

Оглавление

ПЯТНИЦА

9

СУББОТА

61

ВОСКРЕСЕНЬЕ

217

ПЯТНИЦА

Дорте

На последнем взгорке машина забуксовала, и Дорте ужаснулась при мысли, что всего через пару часов тем же путем поедет отец. Дорога грунтовая, ее развезло почти на всем пути, под колесами глина. От шоссе до горного хутора всего-то несколько километров. Но этого точно более чем достаточно. Ели по сторонам раскисшей дороги с каким-то осуждением опустили насквозь промокшие ветви: *это ты придумала*. Именно эта мысль придет в голову каждому, подъезжающему к Иннсетре. *Это Дорте придумала*.

Дорте в своем репертуаре, скажет Анетте Яну Инге, когда их машина застрянет и колеса будут всё глубже погружаться в грязь. Дорте в своем репертуаре, приспичило же ей вытащить нас сюда на выходные в этот мрачный и промозглый октябрь.

Так ведь родители поженились в октябре, и на эти выходные тому стукнет как раз пятьдесят лет. Отмечать-то приличествует день в день, думает Дорте, приближаясь к двум толстым обрубкам бревна, покрашенным в темно-коричневый цвет. Видимо, они

служат воротами. Дорте сворачивает с грунтовой дороги в эти ворота. Проехав немного вниз по неровному склону, она наконец видит хутор.

Дорте как наяву слышит, как будет брюзжать Анетте: ну да, но можно же было отпраздновать юбилей в гостинице рядом с домом. И отец скорее всего ее поддержит. Ведь тогда бы не пришлось тащиться в такую даль. Не пришлось бы паковать чемоданы, запираť дом на все замки, перенастраивать термостаты, чтобы температура в доме была пониже, выдергивать электроприборы из розеток, просить соседей доставать газеты из почтового ящика; заботы, сплошные заботы.

А Карл, интересно, что думает он? Ее брат-близнец держит свое мнение при себе, сидит себе, ухмыляется, будто все, что говорится и делается вокруг, пустое. Карл рано отделился от них. Окончив школу, он не находил нужным ставить их в известность о том, где он, чем занимается. Но ему и добираться сюда дольше всех — из Марокко, куда он ездил на серфинг. Прислал ей только сообщение: окей, буду. Куда больше артачились все остальные — непонятно почему, им сюда езды меньше двух часов, даже полезно немного проветриться.

На первый взгляд тутюшные строения кажутся маленькими и какими-то линиялыми. Но что в такую погоду не выглядит серым и унылым? Ее коллега, вот только что отметившая здесь, на Иннсетре, свое пятидесятилетие, на все лады расхваливала атмосферу, обслуживание, еду и упирала еще на то, что хозяин хорошо разбирается в винах. В гостинице, где их семья обычно отмечает важные события, их ждало бы то же, что и всегда, и белое вино — полусухое — по-

дали бы неохлажденным. Разве люди, прожившие в браке пятьдесят лет, не заслуживают чего-нибудь менее рутинного?

Дорте паркуется рядом с единственным на площадке автомобилем — не слишком чистым серебристо-серым фургоном. Осторожно спускает ноги на грязную землю. Белые кроссовки здесь определено не к месту. Вытянув шею, Дорте пытается сопоставить окружающее с картинкой, которую ей показывали в городе. На ней хутор в освещении факелов выглядел колдовским и манящим. Но конечно же, ближе к вечеру хозяева зажгут факелы.

Небольшой двор хутора образован тремя зданиями. Двухэтажный бревенчатый дом застекленной галереей соединяется с деревянной пристройкой пониже. Прямо напротив деревянного домика стоит слегка покосившийся старинный амбар. В амбаре расположен дорогой номер, где она предполагала разместить родителей. Но Дорте сразу видит, что старая каменная лестница слишком крута для отца. Тогда, пожалуй, пусть родители лучше разместятся в главном здании, чтобы им не нужно было под дождем, если он не перестанет, таскаться через двор. А прогноз обещает затяжные дожди. Сильные ливни не прекращаются в Южной Норвегии уж скоро неделю. Вдохнув, Дорте поднимает глаза к небу. В какой-то момент казалось, что вот-вот развиднеется, но тучи над ее головой стянулись в мрачный сжатый кулак. На лоб падает несколько легких капель. Ну ладно, с погодой никто ничего поделать не может. А вот дорогой номер... Может быть, Анетте и Ян Инге более одобрительно отнесутся к этой поездке, если им достанутся кровать с балдахином и деревянный мини-бассейн?

Хлопает дверь, и Дорте оборачивается на этот звук. Из здания, которое, как ей думается, главное здесь, вышел мужчина. Стоит, вытирает руки о передник. В темноте крыльца яркими пятнами выделяются красный передник и белозубая улыбка.

— Не надо там стоять, промокнете! — кричит он.

Дорте достает из машины сумочку и шагает ко входу.

— Я так рано никого не ждал, — говорит мужчина, протягивая ей необсохшую пятерню. — Уле — это я. Как раз нарезаю овощи к сегодняшнему ужину.

— А я Дорте. Извините, что так рано заявила. Мне хотелось немного обвыкнуться, пока не приехали остальные.

Уле придержал для Дорте дверь, и она прошла по короткому коридорчику к приемной. Там темно; хозяин зажигает свечи, приговаривая:

— Знал бы я, что вы приедете, разумеется, затопил бы камин.

— Да все хорошо.

Дорте плотнее запахивается в пальто. Перед большим белым камином расставлены столики и плетеные кресла, накрытые серыми и белыми овчинными ковриками. Приемная явно служит еще и баром. Зайдя за тяжелую сосновую стойку, Уле нажимает на какие-то кнопки. На полках за его спиной высвечиваются ряд за рядом разноцветные бутылки.

— Наверное, рановато для бокальчика за приезд? — смеется он, но не успевает она ответить, как он открывает лежащую на стойке папку. — Мы ведь договаривались, чтобы ужин подать в девятнадцать часов, да?

Его взлохмаченные волосы чуть длинноваты; когда он наклоняется над бумагами, прядь спадает на лоб. Он убирает прядку за ухо и вскидывает глаза на Дорте.

— Да, я всем сказала, чтобы были здесь не позже шести.

— Вам сразу номер показать?

— Да, но я тут засомневалась немножко... Я сначала планировала, чтобы лучший номер достался юбилярам. Но у отца была операция на бедре, и...

Глаза Уле светло-карие, бархатистые. Когда задумывается, морщит лоб. Потом опять улыбается.

— Пожалуй, ты права. Лестница там крутовата. Хочешь посмотреть?

Он берет ключ с прикрепленной к нему деревянной биркой. И ключ, и бирка непривычно большого размера. Снова придерживает для нее дверь. Спешит вместе с Дорте через двор. Теперь дождь стоит стеной, и ей приходится скакать зигзагами, чтобы миновать самые глубокие лужи. Уле уже скрылся в доме, а она только еще добралась до лестницы. Четыре высокие и неровные ступени, потом маленький темный коридор. Первое, что она видит, зайдя в комнату, — огромная кровать с балдахином. Каркас кровати покрашен в красный цвет и украшен тюлевым пологом. Рука Дорте так и тянется пощупать матрас, это не остается незамеченным Уле.

— Этой кровати двести лет, но матрас новый, гарантирую, что без блох!

Обойдя кровать, Дорте идет вслед за ним вглубь помещения. На небольшом возвышении оборудован мини-бассейн, она уже видела его на тщательно изученной странице интернета. Бассейн в форме

бочки наполнен водой. Уле нажимает на кнопку, загорается красная лампочка.

— Я пораньше сегодня набрал воды. Целый час уже нагревается. Я правильно понимаю, что тебе с дороги хочется согреться?

Дорте взглядывает на него с удивлением.

— Ну не знаю... может быть, и не я здесь буду жить.

— Ну ты-то первая приехала! Конечно же лучший номер должен достаться тебе.

Дорте думает о сестре. Пожалуй, амбар покажется Анетте слишком деревенским. Как же соблазнительно сходить за сумками да и расположиться здесь!

— Я, пожалуй, лучше подожду, послушаю, что скажут остальные.

Дорте замечает, что вцепилась рукой в бортик бассейна. А Уле стоит так близко, что она ощущает исходящее от него тепло.

— Извини, — говорит он, и она спохватывается, что, стоя тут, мешает ему пройти. Дорте торопится убрать руку с бортика. Торопливо и неуклюже шагает назад, покачивается. Уле реагирует мгновенно, подхватывает ее под локоть и не дает упасть.

— Чуть не считается! — Приобняв ее и другой рукой тоже, он разглядывает ее с озабоченным выражением лица. — Все в порядке?

— Да-да, — бормочет она, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

Он осторожно ведет ее вокруг кровати.

— Этот номер мы часто сдаем молодоженам. А иностранные туристы видят тут экзотику.

— Здесь очень красиво, — говорит Дорте. — Романтично.

После полутьмы амбара дневной свет режет глаза, хотя небо над хутором накрыло тучами еще плотнее. Остановившись в дверях, Дорте вглядывается в серую пелену дождя, скрывающую и вид, и те осенние краски, которые еще должны бы оставаться в природе. Не так она представляла себе празднование юбилея, планируя его. Сейчас же дождь будто пронизывает ее всю и смывает все, что она себе нафантазировала, думая об этой поездке; неспешные прогулки среди желто-красного великолепия, вылазку в горы с Карлом, шезлонги на террасе. Устроившись там, они наслаждались бы теплыми лучами солнца, видом на долину, бокалом терпкого сухого белого вина.

Уле остановился рядом с ней. Они стоят и молчат. Ему тоже несладко, конечно, принимать клиентов в такую погоду. Он моложе, чем Дорте представляла себе. Или моложавее, кто знает. Здесь, в горах, неплохо им живется, наверное. Свежий воздух, походы, местные продукты. Да еще и покой. Покой. Она глубоко вздыхает.

— Если хочешь, идем со мной на кухню, составишь мне компанию, — говорит Уле. — А то мне пора уже заняться ужином. Могу налить тебе бокальчик, пока ты ждешь приезда остальных.

Кухня на удивление индустриальная, строгая и аккуратная: много блестящих стальных поверхностей и две огромные плиты. На одном из столов высятся горы моркови, картошки и лука.

Меню они подробно обсуждали по телефону и электронной почте. Договорились, что в первый вечер будет подано фирменное блюдо — рагу из лосятины с домашними лепешками и органической сметаной с одного из хуторов в долине.

Уле достает из холодильника початую бутылку белого и наполняет два бокала. Бутылка тут же возвращается в холодильник, и Дорте не успевает взглянуть этикетку. Может быть, он хочет меня проверить, думает она, слегка вращая вино в бокале. Приближает бокал к носу. Сплошь цветочный луг. Что бы это могло быть? Хозяин подмигивает ей и принимается за овощи.

— Бери стул, садись, — говорит он, взмахнув ножом. Дорте подвигает к столу высокий табурет и садится, пристроив пальто на второй табурет.

— Прямо как в баре, — смеется она, устраиваясь поудобнее. Снова принохивается к вину, потом осторожно пригубливает. Вкус менее цветочный, чем запах, но в носу ощущается легкий сладковатый аромат. Дорте ставит бокал на стол, смотрит, как сноровисто работает хозяин.

— Может, я помогу, раз уж все равно здесь сижу?

— Нет-нет, мне просто в компании веселее работается.

— Но разве ты тут совсем один?

— Элисабет надо было съездить в Осло. Так что сегодня вечером мне придется справляться в одиночку. Но завтра, к счастью, нас будет двое.

Уле вываливает в большую кастрюлю целый поднос порезанной моркови. Потом поднимает свой бокал, слегка кивает Дорте и отпивает глоток. И она тоже поднимает бокал; перекатывает вино во рту, прежде чем проглотить.

— Пытаюсь понять, что это такое мы пьем.

— Да ничего особенного. А ты пишешь о вине, да ведь?

— Да, в разные журналы.

— Впечатляет!

— Да нет, вовсе нет. Я только недавно начала. Хорошо, что вообще что-то нашла, когда рекламное бюро, где я работаю, вынуждено было нас распустить на время.

— Ах ты черт. Из-за пандемии?

— Да. — Дорте крутит бокал в руке. — Теперь я вернулась туда на полставки, и в общем-то меня это устраивает. Мне всегда хотелось писать, ну вот и...

— Может быть, я читал что-то твое? Мы выписываем несколько журналов о кулинарии и винах.

— Я постоянно пишу в один женский журнал. И еще время от времени для пары сетевых ресурсов.

Дорте спохватывается, что давно не проверяла мобильный. Сумка-то где? А, вот она, под пальто. Порывшись среди чеков и косметики, она нащупывает гладкий твердый гаджет. Два сообщения. Одно от Карла. Сразу забилося сердце. Все время опасешься, что он откажется приехать. Так многое может ему помешать. Рейс отменят. Карл заболеет. Автомобиль сломается. Как же без Карла, он нужен тут. Дорте читает текст. По телу прокатывается волна облегчения, неся с собой едва заметные пузырьки алкоголя.

Дорте смотрит на спину Уле, открывающего холодильник. На его волосы, слегка выющиеся на затылке. Они сразу и седые, и черные. Соль с перцем. Уле оборачивается и взглядывает на нее.

— Все в порядке?

Дорте отодвигает телефон.

— К счастью, да. Я боялась, что брат все-таки не сможет приехать. Но он только припоздает немного.

Уле включает газ, она не может отвести глаз от пляски синих языков пламени, пока он не закрывает их от нее, поставив на огонь сковороду. Не стоит Дорте больше пить. Нехорошо, если она будет под мухой, когда подъедут остальные. Но она уже попробовала вино. Просто не сразу. Оно больше не отдает цветами, но вкус у него по-прежнему богатый и свежий. Может, новозеландское какое-нибудь?

Еще по крайней мере час до приезда остальных. Карл пишет, что стоит в очереди на зарядку; неужели и правда завел электромобиль? Последней его машиной был битый фургон. Дорте предлагала подвезти брата, но он предпочел приехать на своей машине. Все предпочитают ездить на своих машинах. И зачем нам здесь столько машин, думает Дорте, четыре машины на шесть человек? Анетте с Яном Инге могли заехать за отцом с матерью, им по пути, но родители настояли на том, чтобы ехать на своей машине. Они вечно боятся оказаться обузой для кого-нибудь. Особенно для собственных детей.

— Как дожарю мясо, могу тебе и другие номера показать. А потом затоплю камин.

Дорте кивает и отпивает еще вина. Она вдруг осознает, в каком она была напряжении. И как хорошо отогреться, почувствовать, что постепенно скованность отпускает. Вот теперь она на самом деле начинает радоваться встрече с родными.

Анетте

— Почему в номере норвежской гостиницы не бывает больше двух вешалок? — вопрошает Ян Инге. Он стоит перед узким платяным шкафом и держит в руках две белые рубашки.

— Кто его знает, может, крадут, — говорит Анетте. — Но мы-то мотаем на ус? — И она с улыбкой извлекает из своего чемодана четыре вешалки. Просияв, Ян Инге тянется за ними.

— Ну ты молодчина.

— Не забыть бы только забрать их потом домой. Ты ведь не расстроился, что я отказалась от большого номера, правда?

— Да нет, меня все устраивает. Особенно если подумать о Лабане. Нехорошо было бы оставлять его там одного.

Два легких удара хвостом по краю собачьей лежанки показывают, что лабрадор услышал свою кличку. Он взглядывает на них, не поднимая головы. Два черных блестящих глаза среди черной шерсти.

— Прогулочка та еще у нас с тобой получилась, Лабанюшка, — говорит Ян Инге, тяжело плюха-

ясь на кровать. Хвост принимается вилять быстрее. Ян Инге наклоняется погладить пса по голове, потом со вздохом и пристаниванием стягивает с себя брюки.

— Мы с Лабаном минут пять были на воздухе, не больше, а вымокли насквозь. А у меня с собой только эти брюки, да еще костюмные.

Закончив распаковывать чемодан, Анетте задвигает его под кровать.

— Неужели так уж сильно промокли?

— А ты потрогай! Не хватало снова простудиться.

— Может, я попробую высушить твои брюки феном?

— Не получится. Вот смотри, штанины снизу сплошь заляпаны. Нет, придется надеть костюмные брюки со свитером.

Он берет мокрые брюки и скрывается в ванной. Анетте вздыхает и садится на кровать, на то место, где сидел муж. Наклоняется почесать животик псу. Красавчик наш. Лабан покряхтывает и ворочается, подставляя пузо. Запах теплого и влажного собачьего живота даже приятен. Она снова вздыхает. Гостиница производит вполне приятное впечатление, хозяин тоже, но в такую мерзкую погоду проведенные тут дни покажутся нескончаемыми.

— А ты обратил внимание на Дорте? Когда она вышла нас встретить. Глазки-то блестели, — громко говорит она.

— Да? Я не заметил, — доносится из ванной.

Ян Инге открывает кран, пускает воду. Чистит зубы, слышит Анетте.

Они договорились, что постараются видеть в этой истории хорошее. Дорте хочет как лучше,

просто она привыкла всеми распоряжаться. Командует, указывает, вечно придумывает что-то новое. Вот как теперь, вытащила их сюда, не подумав, что пожилые люди не так уж любят сюрпризы. Родители чувствуют себя лучше всего в привычной обстановке, вылазки вроде этой — ненужная встряска для них. Видно было, как устал отец в дороге. А кому пришлось бежать к машине с зонтиком, чтобы они не промочили ноги? О подобных вещах Дорте не думает. Ян Инге тоже подскочил, помочь с чемоданом. Неудивительно, что промок.

Вот он появляется из ванной в семейных трусах и майке.

— Жду не дождусь посмотреть на новую машину Карла. Вроде он стоял в очереди на зарядку, как сказала Дорте. У него что, есть деньги на электромобиль?

— Что-то не верится. Может быть, он его арендовал.

— Он же вечно был помешан на экологии. Но поехать на электромобиле сюда?

Анетте пожимает плечами. Лабан издает недовольный звук, как бы привлекая внимание к тому, что почесывание живота прекратилось. Анетте еще пару раз проводит ладонью по гладкому меху и поднимается. Переодеваться в номере вдвоем тесно, но в конце концов дело сделано. На нем костюмные брюки и синий джемпер, на ней выдававшая виды черная юбка-колокол и широкая цветастая блузка, скрывающая расплывшуюся талию. Анетте расползлась за последний год, в такт с приливами и перепадами настроения. Она всматривается в свое и мужа отражение в темной поверхности окна. Снаружи по стеклу стекают потоки воды, из-за этого их фи-